

Глава 224: Идиот

Даже Наоки, у которого была извращённая личность, был несколько тронут искренним выражением Сейдзи.

Нет, возможно, именно потому, что у него была такая личность, он мог быть тронут этой искренностью.

Совершенно честное, прямое, неприкрытое выражение, исходящее от сердца... это был тот тип, с которым ему было трудно справиться.

«...Что ты хочешь сказать Миледи?», - спросил Наоки после паузы.

«Ты скажешь ей за меня?», - спросил Сейдзи.

«Это», - сказал Наоки, - «зависит от содержания сообщения».

Сейдзи моргнул, когда услышал ответ Наоки.

Затем он поднял глаза на небо, словно увидел кого-то там, и начал говорить.

...

После того, как они закончили говорить, Сейдзи и Шика покинули парк развлечений.

Наоки и Ироха наблюдали, как они уходят.

Хотя они должны были немедленно покинуть это место, брат и сестра долго стояли неподвижно.

«Что это? Только что...», - пробормотала про себя Ироха, её глаза были наполнены сложными эмоциями.

То, что сказал Сейдзи, полностью отличалось от того, что она ожидала.

Сначала это звучало нелепо, но при внимательном рассмотрении это было...

«Сказать Миледи, чтобы она простила себя... что это такое? Как он смеет это говорить?», - со стороны Миледи было правильно, что она изгнала такой кусок мусора из семьи Харута! Он просто человеческий отброс, он вообще не чувствует вины! Этот ублюдок... этот ублюдок настолько высокомерен! Кто он такой?».

Её сердитый крик эхом отозвался в заброшенном парке развлечений.

Наоки нахмурился, задумавшись.

«Скажи что-нибудь, мой глупый брат! Разве ты не красноречив? Почему ты ему ничего не сказал! Используй свои разговорные способности, которыми ты так гордишься, и победи его в споре!», - девушка уставилась на своего брата злобным взглядом.

Светловолосый парень молчал.

«Почему ты не говоришь?».

Ироха пихнула его, оттолкнув на два шага.

Наоки наконец вздохнул. «Я не мог противопоставить ничего тому, что он сказал...».

«Что!?!», – воскликнула Ироха в неверии.

«Я не мог противостоять ему ничего, так как то, что он сказал... это именно то, что Миледи нужно услышать сейчас больше всего», – казалось, он боролся во внутреннем конфликте.

«Ты... о чём ты говоришь? Что-то не так с твоим мозгом!?!», – Ироха недоверчиво уставилась на брата.

«Не кричи так громко. Громкий голос отражает твои пустые слова».

«Что...» – сердито начала Ироха.

«Ты, вероятно, тоже обнаружила это, но просто не можешь этого признать», – Наоки озвучил правду, которую знала даже его младшая сестра, лёгким голосом. «Миледи чувствует себя виноватой в изгнании своего младшего брата из семьи».

Ироха не знала, что сказать.

«Миледи – решительный человек», – продолжал Наоки, – «поэтому она не проявляла никаких признаков потрясения после того, как она лично изгнала своего брата из семьи. У нас сложилось впечатление, что она поступила правильно и не чувствовала себя виноватой в этом».

«Но, если ты хорошенько подумаешь об этом, хотя она и решительный человек, Миледи, в глубине души, всё ещё нежная девушка. Изгнать её младшего брата... да, это был правильный поступок – все согласились с этим, и никто не думал, что это было неоправданно. Несмотря на это, сможет ли она простить себя?».

Это было слепое пятно, которого Наоки раньше не замечал.

«Прежде, чем он сказал нам, я даже не думал об этом. Вероятно, ты была такой же, Ироха. Естественно, мы предполагали, что Миледи не чувствовала никакой вины. Но, честно говоря, с её личностью она не может не чувствовать себя виноватой».

«В конце концов, он все ещё её родной младший брат, и она лично его изгнала. Несмотря на то, что её младший брат, самый мерзкий подонок, действительно заслужил это, сердце нашей нежной госпожи всё равно испытало боль из-за этого решения. Мы проигнорировали это. Несмотря на то, что мы всегда были рядом с Миледи, мы даже не подумали об этом...».

Голос Наоки был переполнен сожалением, когда он с силой сжал кулаки.

Ироха замолчала. Она не могла говорить, так как она не знала, что сказать.

«Миледи хочет прощения... и только два человека могут дать ей его: одним является сама Миледи, а другой – это...», – Наоки посмотрел в направлении, в котором ушли Сейдзи и Шика, – «Сейго Харано... нет, Сейдзи Харута».

«Он это заметил. Он подумал о чём-то, о чём мы – и все рядом с Миледи – не подумали, несмотря на то, что он должен быть наименее вероятным человеком, способным на это. Любой нормальный человек был бы переполнен жалобами или обидой – или, по крайней мере, это то,

чего я ожидал».

«Но... почему... Почему он может сказать что-то вроде того, чтобы Миледи простила себя, совсем без тени ненависти!!?», – последние несколько слов Наоки проревел.

Он снова вспомнил сцену, которая произошла только что.

Этот красивый парень слегка улыбнулся. «Сестра», – мягко сказал он, – «когда ты изгнала меня раньше... ты была права, что сделала это. Если ты всё ещё чувствуешь себя виноватой из-за того, что ты сделала, то послушай меня, и перестань думать об этом».

«Пожалуйста, прости себя. Ты совершила правильный поступок, изгнав меня, и ты не должна чувствовать никакого сожаления из-за этого. Я был тем, кто был неправ... всё это – моя вина».

«Мне очень жаль... даже если я говорю это слишком поздно. Если ты беспокоишься обо мне, в этом нет необходимости. Сейчас я живу очень хорошо».

«Я надеюсь, что ты тоже живёшь очень хорошо».

...

Что вообще это было?

Разве это была речь, которую должен был сказать изгнанный человек!?

Это было высокомерие? Или наивность? Или глупость!?

Да какой идиот сказал бы что-то вроде этого?!!

Какие-то эмоции, которых Наоки никогда раньше не испытывал, в тот момент переполняли его грудь.

Он не знал, как описать эти эмоции, так как он не узнавал их.

Он действительно хотел громко проклинать в тот момент, но не мог.

Эти эмоции причиняли ему боль. Он не хотел иметь их. Он чувствовал сожаление...

«Ах, вот что это такое», – Наоки вдруг пришел к осознанию.

Ему было жаль; он жалел, что никогда не замечал истинных чувств своей госпожи. Его нежелание было связано с тем, что он не желал болезненно проигрывать Сейдзи в замечании чувств Юи Харуты.

Он сожалел, что всё это случилось.

И самой болезненной частью всего этого было то, что он должен был сказать всю речь Сейдзи, не меняя ни единого слова, своей госпоже.

Это потому, что его госпоже, Юи Харуте, нужно было услышать эти слова.

Ей нужно было слушать послание её младшего брата к ней!

Эти слова не содержали никаких следов злобы или ненависти и были по-настоящему

искренними.

Сейго Харано... нет, Сейдзи Харута был полный куском мусора человеческого отброса в прошлом. И теперь, он уже был...

Наоки не знал, как судить его, и он даже не знал, имел ли он право судить Сейдзи.

Он мог только сказать всё как есть своей госпоже.

«Пойдём, Ироха».

Девушка с зелёными волосами по-прежнему смотрела в направлении, в котором ушли Сейдзи и Шика.

Она не среагировала на то, что её старший брат позвал её.

Она начала двигаться только тогда, когда Наоки уже прошёл около семи или восьми метров.

«Такой идиот...», – пробормотала она.

О ком она говорила? Ироха сама не знала.

Множество неопишуемых эмоций скрутилось в её бурном сердце. Она слабо понимала, что она... возможно, допустила довольно большую ошибку.

...

«Брат Сейдзи...», – начала Шика.

«Да?».

«...Ничего».

Когда они возвращались в свою квартиру в такси, Шика хотела что-то сказать, но не стала, и опустила глаза.

Сейдзи улыбнулся ей.

Даже если она ничего не сказала, он мог сказать, что она чувствовала.

«Не нужно слишком много думать об этом, Шика-тян».

Сейдзи протянул руку и похлопал свою младшую приёмную сестру по голове.

Действия Юи Харуты были противоречивы. После того, как он встретился с Ирохой Хасегавой, он вернулся назад в полученных воспоминаниях.

Если Юи Харута действительно презирала его, то она в принципе должна была полностью игнорировать его, а не посылать кого-то искать его или обращать внимание на то, что он делает.

Если у Юи действительно были надежды на него, то человек, которого она послала бы, не имел бы такого отношения, или, по крайней мере, он не был бы кем-то вроде Ирохи Хасегавы. Возможно, она связалась бы с ним напрямую или даже встретила лично.

Тот факт, что её действия были противоречивы и не соответствовали Юи Харуте в его воспоминаниях, означал, что она, вероятно, боролась во внутреннем конфликте.

Проще говоря, ей было тяжело. Юи Харуте было тяжело.

Брат и сестра Хасегава никогда не замечали этого и неправильно поняли её поведение.

Это почти заставило Сейдзи засмеяться.

Он мог сказать, что брат и сестра Хасегава были очень лояльны и уважительны к Юи Харуте. Но именно из-за этого они не смогли увидеть некоторых вещей.

Вместо этого, Сейдзи был тем, кто заметил.

Что он мог сделать для своей старшей сестры, которой было тяжело, как её изгнанный младший брат?

Сейдзи решил передать ей это послание, в надежде, что это поможет ей преодолеть её внутренний конфликт.

«Правда, глупая сестра...», – на самом деле он хотел бы добавить это в конце, но он был обеспокоен тем, что брат и сестра Хасегава взорвутся от гнева, если бы он правда сказал это.

Они были очень почтительны к Юи. Это было очевидно хотя-бы из того, как они обращались к ней – Ироха казалась особенно почтительной.

Он уже сказал то, что он хотел сказать, так что он полагался на этих брата и сестру, что они передадут его послание ей. Он полагал, что они сделают это, так как это было именно то, что нужно было услышать их госпоже.

Что касается того, что должно было произойти после того? Сейдзи не знал.

Он понял, что ему не нужно было слишком сильно задумываться об этом в ближайшее время.

Сейдзи откинулся на спинку сиденья такси, расслабился и медленно закрыл глаза.

Шика снова подняла взгляд и посмотрела на лицо своего приёмного брата.

«Брат – идиот...», – подумала она про себя, и её разум был наполнен тревогами из-за неопределённого будущего.

<http://tl.rulate.ru/book/6436/233455>